

Этко Е.А. Идеи персонализации и персонификации в отечественной психологии: современное состояние и перспективы исследования

English version: [Etko E.A. Ideas of personalization and personification in russian psychology: current status and research perspectives](#)

Высшая школа экономики, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Проводится сравнительный анализ процессов персонализации и персонификации как процессов становления личности. Существующие в российской психологической науке разночтения в определении содержания понятий «персонализация» и «персонификация» рассматриваются как неустранимые в теории ввиду различных онтологических оснований теорий личности, лежащих в основе авторских концепций персонализации (В.А.Петровский) и персонификации (А.Б.Орлов). Предлагается и обсуждается эмпирический путь исследования процессов персонализации и персонификации на основе фиксации динамики смысловых содержаний субъекта в определенных формах языкового выражения – знаке, метафоре и символе.

Ключевые слова: персонализация, персонификация, личность, субъект, знак, метафора, символ

Советская психология традиционно рассматривала основные процессы становления субъекта (*персонализация*, индивидуализация – А.Г.Асмолов, В.В.Давыдов, А.В.Петровский, В.А.Петровский и др.) как движимые стремлением индивида *стать личностью*. В то же время в психологической науке существует иное видение, в котором конвенциональное понятие личности предстает как преграда к самореализации: самоактуализации, индивидуации, аутентификации, *персонификации* – К.Г.Юнг (C.Jung), А.Маслоу (A.Maslow), К.Роджерс (C.Rogers), А.Х.Алмаас (A.Almaas), А.Б.Орлов и др., обусловленной стремлением человека *быть самим собой*.

В настоящей статье мы, исходя из герменевтического понимания *человека как субъекта* жизни, активно воплощающего свою сущность через свое существование, обращаемся к рассмотрению дискуссии относительно процессов его становления, которые в современной российской психологической литературе описываются как «персонализация» и «персонификация». Предметом нашего *пристального* внимания являются интерпретации рассматриваемых понятий, представленные в концепции персонализации В.А.Петровского [Петровский, 1981; 1982; 2007] и концепции персонификации А.Б.Орлова [Орлов, 1995а; 1995b; 2002].

Целью нашего исследования мы видим построение такой методологии изучения процессов актуалгенеза субъекта, которая позволила бы эмпирически поставить вопрос о возможности *качественного различения* процессов персонализации и персонификации как различных форм его становления.

Концепции персонализации и персонификации: status quo

Мы предлагаем в качестве *исходных* следующие определения рассматриваемых понятий. Под персонализацией и персонификацией мы будем понимать *процессы развития личности*. При этом процессы персонализации и персонификации в нашем понимании воплощают в себе реализацию *различных потребностей индивида*. Процесс *персонализации* воплощает в себе реализацию

потребности (и одновременно способности) индивида *быть личностью* (А.В.Петровский, В.А.Петровский). В процессе *персонификации* реализуется потребность (и одновременно способность) человека *быть самим собой* (А.Б.Орлов).

Мы обращаемся к понятиям персонализации и персонификации в том виде, в котором они представлены в работах авторов рассматриваемых концепций. Это необходимо для того, чтобы сохранить позицию «внеаходимости» исследователя. Приступая к анализу существующих дискуссионных моментов, мы считаем целесообразным дать краткую характеристику основных положений концепций персонализации и персонификации.

Концепция персонализации: от индивида к социуму

А.Н.Леонтьев утверждал, что личность человека «производится» общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности. «Многообразные деятельности субъекта, – писал А.Н.Леонтьев, – пересекаются между собой и связываются в узлы объективными (общественными) по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их иерархия и образуют тот «таинственный» центр «личности», который мы называем «Я»» [Леонтьев, 1977, с. 228]. Тот факт, что при этом изменяются и некоторые его особенности как индивида, *есть не причина, а следствие формирования его личности* [Там же. С. 171].

Эти идеи нашли свое продолжение в концепциях А.В.Петровского и В.А.Петровского. Ими был поставлен вопрос о том, как *«личностное вписывается в сферу бытия индивида»*: личность рассматривается как *системное качество* индивида, открывается возможность неоднозначного решения вопроса о том, каким образом оно соотносится с социальной системой как целым [Петровский, 1981, с. 40]. В связи с этим выделяются три типа *атрибуции* собственно *личностного аспекта бытия индивида* элементам социальной общности – *самим индивидам* и предметно-определенным *связям между ними* – интраиндивидная, интериндивидная и метаиндивидная.

При *интраиндивидном* способе интерпретации личность рассматривается как качество, *присущее самому индивиду*, как его *свойство*: «Личностное оказывается погруженным непосредственно в пространство бытия индивида. <...> Если мы хотим <...> определить черты индивида как личности, то при данном способе понимания мы должны непосредственно указать на индивида, сказав: «Вот перед нами – личность» <...> Это – представление о личности в аспекте ее индивидуальности, индивидуальных различий; <...> понимание личности как субъекта активности» [Там же. С. 41].

Интериндивидная личностная атрибуция представляет собой такой способ понимания личности, когда областью ее определения и существования считается пространство межиндивидных связей: *процессы общения и деятельности*, в которые включены как минимум два индивида (а не сами индивиды), *рассматриваются в качестве носителей личности* каждого из них. Интериндивидная ориентация характеризуется определенными ограничениями и побуждает к постановке вопросов: продолжает ли личность «существовать» и за пределами общей для них ситуации? Существуют ли собственно субъектные фиксации бытия данного индивида в других людях? Не следует ли эффекты воздействий выделить в особую категорию психологических явлений, неотожествимых с проявлениями социальной активности воздействующих лиц? [Там же. С. 43].

В качестве ответа на эти вопросы предлагается мысль о существовании еще одного способа атрибуции личности – *метаиндивидного*. Личность индивида на этот раз выносятся не только за рамки самого индивида, но и за пределы его актуальных связей с другими индивидами: «Здесь как бы вновь происходит погружение личностного в пространство бытия индивида, но на этот раз – в «другого» («других»). Речь идет о преломленности моих воздействий именно в другом индивиде, выступающем в своих отличиях от меня самого» [Там же. С. 44]. Вместе с тем эти воздействия рассматриваются и как вклады субъекта в себя как в известном смысле «другого». Приводится сравнение с тезисом Э.В.Ильенкова: «Личность и есть совокупность отношений человека к самому себе как к некоему «другому» – отношений «Я» к самому себе как к некоторому «Не-Я»» [Ильенков, 1979, с. 195]. «Конкретно охарактеризовать личность, исходя из принципа метаиндивидной атрибуции – это значит ответить не только на вопрос о том, *кто* из других людей и *каким образом* представлен (интериоризирован) во мне как личности, *но и как я сам и в ком именно состою в качестве значимого*

«другого» (*курсив наш*) [Петровский, 1981, с. 44].

Продолжая данный способ рассмотрения личности, В.А.Петровский высказал гипотезу о наличии у индивида особой потребности – быть личностью, потребности в **персонализации**, обеспечивающей активное включение индивида в систему социальных связей.

Концепция персонализации разрабатывалась В.А.Петровским и А.В.Петровским в соавторстве. Термин «персонализация» был предложен А.В.Петровским как понятие, которое могло бы *уравновесить* по смыслу понятие «социализация», описывая *противоположный по направленности процесс – не от социума к индивиду, а от индивида к социуму* [Петровский, 2007]: «Подобно тому, как индивид стремится <...> продолжить род, <...> личность индивида стремится продолжить себя, заложив идеальную представленность, свое инобытие в других людях <...> человек делится своим бытием с другими людьми, запечатлевает, продолжает себя в них и за счет этого выступает как личность» [Петровский, Петровский, 1982, с. 50]. В основе концепции персонализации лежит *идея личности человека как его объективной представленности в жизни других людей*, включенности одного человека в пространство жизни другого [Петровский, 2007], в том числе и после его смерти. Эта идея в текстах разных лет обозначалась ее автором как «личностные вклады», «идеальная представленность и продолженность», «отраженная субъектность», «инобытие» человека в человеке, «бессмертие как внутренняя цель общения» и т.д.; словарь «Психология» 1990 г. определяет *отраженную субъектность* индивида как результат его персонализации, сохраняющийся при его «материальном несуществовании» [Психология. Словарь..., 1990, с. 272].

Персонализация была определена как «*процесс*, в результате которого субъект получает идеальную представленность в жизнедеятельности других людей и *может выступить в общественной жизни как личность*» [Там же.]. Указывалось, что «сущность П. заключается в *действенных преобразованиях интеллектуальной и аффективно-потребностной сферы личности другого человека*» и что «*посредством своей деятельности человек <...> транслирует другим свою индивидуальность*». Отмечалось, что персонализация субъекта происходит при условии его «*значимости для другого, референтности и эмоциональной привлекательности*», а при других условиях *отсутствует* (*курсив наш*) [Там же. С. 271–272].

Данное определение, в особенности выделенные нами моменты, стало составной частью **концепции персонификации** А.Б.Орлова [Орлов, 1995а; 1995б; 2002]. Вместе с тем, формулируя свою концепцию, А.Б.Орлов придал термину «персонализация» негативные коннотации.

Концепция персонификации: от личности к сущности

В концепции А.Б.Орлова личность понимается как *система мотивационных отношений, которую имеет субъект* [Орлов, 1995а; 1995б; 2002]; вводится конструкция *эмпирической личности*, в которую включаются мотивационные отношения трех типов. *Когнитивно акцентированные* мотивационные отношения составляют *зоны психологических защит* человека, или *персону* – сложную систему «отношений между индивидуальным сознанием и социальностью», «удобный вид маски, рассчитанной на то, чтобы, с одной стороны, производить на других определенное впечатление, а с другой – скрывать истинную природу индивидуума» [Юнг, 1994, с. 258]. *Аффективно акцентированные* мотивационные отношения составляют *зоны психологических проблем* человека, или *тень*. Это «совокупность тех психических процессов и содержаний, которые сами по себе могут достичь сознания, <...> но из-за своей несовместимости с ним подверглись вытеснению, после чего упорно удерживаются ниже порога сознания» [Юнг, 1991, с. 282]. *Гармоничные* мотивационные отношения составляют *зоны психологических актуализаций*, или *лик* человека.

Личность рассматривается как явление *коммуникативной природы*: «*Внутриличностные по своей природе процессы возникновения и развития персоны и тени в личности человека обусловлены обстоятельствами, относящимися к плану межличностных отношений*. Таким образом, *персона и тень личности складываются не по своей внутренней логике, но в силу причин, имеющих коммуникативную природу* и <...> возникают в личности ребенка исключительно потому, что он вынужден общаться со взрослыми, уже имеющими свои персоны и тени» (*курсив наш*) [Орлов, 2002, с. 55]. Ребенок, согласно А.Б.Орлову, стремясь сохранить принятие и любовь со стороны окружающих

его взрослых, постепенно отказывается от своего *первоначального универсального лика* и вырабатывает «взрослую» личность-индивидуальность, которая складывается главным образом из персоны и тени и функционирует в логике фиксированных «позитивных» и «негативных» ценностей [Там же.].

Рассматривая *персонализацию* в логике коммуникативной природы развития персоны и тени в личности человека, А.Б.Орлов под процессом персонализации понимает такую форму *актуалгенеза личности*, которая обеспечивает одновременное усиление как личностной персоны, так и личностной тени, являя собой тенденцию к превращению всей эмпирической личности в одну *персону–тень*. Процесс персонализации рассматривается как *трансляция себя миру*, другим людям в качестве сильной или обладающей властью персоны [Там же. С. 58]. «*Горизонтальная персонализация*», или «*спин*», персоны характеризуется «надвиганием» персоны на другие зоны личности и проявляется как «*демонстрация сильных сторон, фасадов* (К.Роджерс) личности» и одновременно «*маскировка, сокрытие человеком своих личностных проблем* и в общении с другими людьми, и в общении с самим собой». «*Вертикальная персонализация*», или «*фортификация*» персоны, проявляется в «отгораживании» человека от того, что его окружает, и ощущении увеличения внутренней психологической безопасности, часто иллюзорном [Там же.]. В обоих случаях *происходит сокращение зон актуализации* человека, которые выступают, в частности, как посредники, медиаторы между персоной человека и его тенью что означает *взаимообособление персоны и тени*, утрату контакта между ними. В связи с этим вследствие персонализации человек становится более закрытым, отгороженным от других людей, менее способным к сопереживанию, эмпатии, к выражению вовне, предъявлению другим собственных психологических проблем, менее конгруэнтным [Там же. С. 58–59].

Процессу персонализации в концепции А.Б.Орлова противопоставляется *процесс персонификации* как иная форма *актуалгенеза личности*. При этом процесс персонификации соотносится с проявлением *сущности* человека, которая рассматривается как «*трансперсональная психическая реальность*» [Там же. С. 64] и ассоциируется с такими категориями, как «самость» (К.Г.Юнг), «Высшее Я» (Р.Ассаджиоли (R.Assagioli)), «внутреннее Я» (М.Боуэн (M.Bowen)) [Там же. С. 65]: «Персонификация личности всегда связана с кризисом ее самоотождествления и осознанием того фундаментального психологического факта, что *личность и сущность человека представляют собой две различные психологические инстанции: личность не есть сущность, сущность не есть личность*» (*курсив наш*) [Там же. С. 63].

Персонификация рассматривается как «*персонализация с обратным знаком*»; она проявляется «*не в стремлении человека быть личностью, но в его стремлении быть самим собой*». «*Горизонтальная персонификация*», или «*антиспин*» персоны, представляет собой сдвигание персоны с других личностных зон. «*Вертикальная персонификация*» – «*релаксацию*» (ослабление, утоньшение) персоны. Во всех случаях персонификации происходит увеличение зон актуализации человека, ослабление противостояния личностных персоны и тени, отказ от личностных фасадов, большее самопринятие человека [Там же. С. 59]: «*Параметры персонификации: позитивная безоценочность, эмпатичность и конгруэнтность* – в отличие от параметров персонализации: авторитетности, референтности, привлекательности – *не образуют автономных, отдельных линий развития* <...> *большая безоценочность всегда связана с большей эмпатичностью и большей конгруэнтностью личности*» (*курсив наш*) [Там же.]. Именно персонификация для А.Б.Орлова является *условием интеграции* личности человека [Там же. С. 61].

Конфликт концепций: терминология или вопрос о парадигме

Мы осветили концепции В.А.Петровского и А.Б.Орлова лишь вкратце. Однако даже такого поверхностного взгляда достаточно, чтобы подметить, что А.Б.Орлов использует термин «персонализация» не вполне в том значении, которое было придано ему В.А.Петровским. Процесс персонализации в понимании В.А.Петровского протекает прежде всего *метаиндивидуно*: индивид становится личностью, совершая «вклады» в другого индивида. Эти вклады могут иметь своим последствием эффекты, известные как *феномены «отраженной субъектности*»: фасилитация и ингибция, изменение динамики мыслительной деятельности, перцепции, когнитивной сложности, сдвиги в эмоциональных проявлениях [Психология. Словарь..., 1990, с. 259]. Эти эффекты могут

быть как «положительными», так и «отрицательными»: «Допустимо предположить, – отмечал А.В.Петровский, – что оптимальные условия для персонализации индивида существуют в <...> коллективах, где «персонализация каждого выступает в качестве условия персонализации всех». Не менее оправдано и другое предположение: есть группы, в которых каждый стремится быть персонализирован за счет деперсонализации всех остальных» [Петровский, 2007].

А.Б.Орлов, рассматривая персонализацию как оппозицию персонификации личности, подчеркивает ориентированность процесса персонализации на *авторитетность, референтность, привлекательность*, в результате чего, по его мнению, индивид оказывается вынужден «быть адекватен не самому себе, а предзаданным и зачастую ритуализированным коммуникативным и ценностным клише» [Орлов, 2002, с. 61], что ведет к обособлению персоны и тени и наращиванию зон психологических проблем и защит человека [Там же.]. В трактовке А.Б.Орлова *персонализация как параллельный рост персоны и тени личности* совершается в пространстве «персонализирующего общения»; в такой трактовке *персонализация как процесс будет протекать на меж(интер)индивидуальном уровне* и приводить к негативным последствиям на *внутри(интра)индивидуальном уровне*.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что содержание понятия «персонификация» в концепции А.Б.Орлова также отличается от традиционного для отечественной психологии. Понимание А.Б.Орловым персонификации как процесса, в котором происходит увеличение зон актуализации человека и проявляются его сущностные (самостные, индивидуальные) черты, восходит к *юнгианскому* определению персонификации как «стремления или тенденции психических содержаний либо комплексов обрести отличную от себя личность, обособленную от эго» [Зеленский, 2008, с. 176]: «Любой автономный или хотя бы только относительно автономный комплекс имеет свойство являться в качестве личности, то есть персонифицированно <...> Получившиеся предложения всегда являются личностными высказываниями и излагаются от первого лица, как если бы за каждой записанной частью предложения тоже стояла личность» [Юнг, 1994, с. 263]. В то же время в отечественной психологии понятие «персонификация» определяется как «*наделение животных и растений, отвлеченных понятий, неодушевленных предметов и явлений природы человеческими свойствами, представление их в лицах*» (*курсив наш*) [Психология. Словарь..., 1990, с. 272].

Понимание персонификации как *олицетворения* присутствует в обоих определениях. Однако А.Б.Орлов рассматривает тенденцию к персонификации как свойство психических содержаний стремиться к *обретению своего собственного лица* (в отличие от лица или персоны личности). Это означает, что для комплекса тех индивидуальных психических содержаний, существование которых не обусловлено клишированными социальными коммуникациями, *презюмируется наличие собственной, особенной субъектной данности – лица*, эмпирически проявляющегося при развитии личности в «направлении» гармонизации мотивационных отношений. В традиции же отечественной психологии персонификация предстает, скорее, актом субъекта, приписыванием субъектных свойств бессубъектным содержаниям.

Сложно предположить, чтобы такое расхождение в содержании понятий было вызвано банальной терминологической рассогласованностью. Корень подобных, «словарных» на первый взгляд, разночтений стоит искать в *онтологических основаниях тех теорий личности*, на фундаменте которых авторы концепций персонализации и персонификации выстраивают эти концепции.

Как в концепции персонализации, так и в концепции персонификации человек представлен как активный субъект. Однако представления В.А.Петровского и А.Б.Орлова о природе человеческой *субъектности* существенно расходятся.

В концепциях В.А.Петровского индивид представлен в своей потенции стать субъектом, реализующейся при опосредовании его *бессубъектной* по природе активности культурными по происхождению *прообразами Я*. «Прообраз Я, присутствующий в психике, – пишет В.А.Петровский, – приобретая статус *идеи*, превращает индивидов в *субъектов* своих деяний <...> Прообразы Я, как таковые, не являются <...> каким-либо непосредственным «источником» или «родником» активности <...> Но они *приобретают* это особое качество *действительного* (а не мнимого) Я, когда *опосредуют* органически присущую индивиду активность (целевые и нецелевые тенденции, импульсы, реактивные силы, ансамбли процессов, протекающих в теле, и т.д. и т.п.). Подлинное Я есть результат

синтеза, сплава активности <...> природного (бессубъектного) происхождения и схемы Я (прообраза Я, произведенного, в конечном счете, культурой). О таком действительном, подлинном Я мы говорим «субъект», различая в нем форму (схема Я, = прообраз Я) и динамический материал (активность, энергия)» [Петровский, 2010а, с. 145]. В.А.Петровский развивает понимание субъекта как *причины самого себя* (causa sui; «индивид, отражающийся в себе самом как субъект»). Самопричинность субъекта предстает как единство четырех единств («Я как самодвижение», «Я как представляние себя самого», «Я как мысль о себе», «Я как переживание себя»), «отвечающих» аристотелевским причинам и дающим индивиду возможность возврата к самому себе [Петровский, 2010b, с. 194–199]. Сущность, к которой индивид мог бы «возвратиться», как отдельная, отличная от личности субъектная инстанция в текстах В.А.Петровского отсутствует.

Через призму таких теоретических построений именно потребность (и одновременно способность) быть личностью, принимать прообразы Я в качестве «вкладов», *обеспечивает индивиду актуализацию себя как субъекта*. Действительность, аутентичность субъекта обеспечивается в таком случае совпадением четырех Я (единств двигающего и движимого, представляющего и представляемого, мыслящего и мыслимого, переживающего и переживаемого) в опосредовании активности индивида. Еще в «конституирующей» статье по персонализации А.В.Петровский и В.А.Петровский отмечали: «В том случае, когда потребность индивида осуществить себя в качестве личности дана имплицитно, как скрытая мотивация его поступков и деяний, она выступает как сущностная характеристика, феноменологически представленная в многочисленных и хорошо изученных в психологии явлениях»; в числе последних называлась, в частности, эмпатия [Петровский, Петровский, 1982, с. 51].

Не лишним будет отметить и тот факт, что В.А.Петровский является автором *мультисубъектной теории личности*; «личность», в которой представлено множество различных Я – субъектов, является более широким по содержанию понятием, нежели «субъект». В концепциях же А.Б.Орлова эти понятия соотношены совершенно иначе.

А.Б.Орлов рассматривает *личность и сущность* (или «центр инициативы») как два «полюса» субъектности. Не вдаваясь в онтологические споры о том, следует ли постулировать такую «реалию» как «сущность», он обосновывает ее логическую необходимость из психотерапевтических изменений личности. «Даже такие крайне ригидные психологические формации, как характер, – пишут А.Б.Орлов и Н.А.Орлова, – способны поддаваться психотерапевтическому воздействию, а это может свидетельствовать в пользу того, что в человеке есть некоторая «свободная зона», которая является условием возможности изменения <...> можно, конечно же, сказать, что такая «свободная зона» может существовать внутри личности как ее часть. Можно постулировать, что эта часть личности, порождая изменения и являясь «сердцевиной» индивидуальности, выступает как способность к самоорганизации и саморегуляции, поскольку именно в этом «само» и заключена свобода человека. Иначе говоря, личность как сложно организованная система отношений обладает внутриличностными конфликтами, способными в пределе приводить к фрагментации личности и возникновению конкурирующих субличностных образований. Эти конфликты можно рассматривать <...> в качестве движущих факторов развития и трансформации личности. Однако весь опыт современной психотерапии свидетельствует о том, что внутриличностные конфликты скорее стагнируют личность, погружая ее в ригидность невротических реакций или хаос фрагментации, <...> нежели выводят личность на новый уровень самоорганизации. Данный опыт <...> может свидетельствовать о том, что для коррекции необходим какой-то особый фактор, лежащий вне индивидуальности» [Орлов, Орлова, 2011, с. 37–38].

Очевидно, что рассматривать процессы персонализации и персонификации как альтернативные формы, пути развития личности имеет смысл лишь в том случае, если признавать за «сущностью» человека «первоначальную» субъектность, «инициативу», «универсальный лик». В случае, когда исследователь признает сущностью человека его активную, но первоначально бессубъектную индивидуальную природу, такое противопоставление выглядит абсурдным.

Мы, тем не менее, не считаем единственно необходимым придерживаться в изучении рассматриваемой проблематики одной из описанных в данном разделе точек зрения. Опираясь на предложенную В.М.Розиным *концептуализацию психологической реальности*, мы считаем, что существующая дискуссия может стать отправной точкой дальнейшего развития идей персонализации

и персонификации. «Психологическая реальность, – пишет В.М.Розин, – это предельное онтологическое основание, которое психолог кладет в реальность, которое обеспечивает для него понимание человека и собственных действий как в плане познания, так и практического воздействия. С методологической точки зрения такое онтологическое основание не может быть задано раз и навсегда; напротив, периодически оно нуждается в критическом осмыслении и пересмотре» [Розин, 2010, с. 100]. В целях нашего исследования мы предлагаем возможные пути такого переосмысления.

Формы языкового опосредования и актуалгенез субъекта: системный подход

Современное состояние философии и методологии науки предлагает широкий выбор подходов к изучению человека. Наша задача состоит в том, чтобы отобрать (или разработать) такие методологические подходы, которые позволили бы эмпирически исследовать вопрос о возможности рассмотрения персонализации и персонификации как различных линий становления субъекта. Одним из возможных оснований отбора методологии мы видим тот факт, что в основу идей как персонализации, так и персонификации авторы вкладывают мысль о некоторых эссенциальных потребностях, удовлетворение которых «раскрывает» предельный смысл существования субъекта – потребности *быть личностью* и потребности *быть собой*.

Принципиальными проблемами выделения *сущности* как отдельной психологической инстанции А.Б.Орлов и Н.А.Орлова называют *верификацию и фальсификацию* существования данного феномена, а также *язык его описания*: «Проблема языка описания связана как с отсутствием научной традиции описания этого явления, так и с его онтологическим статусом. Более того, поскольку «центр инициативы» лежит вне конвенциональных социальных отношений и традиционных научных дискурсов, то невольно оказывается в фокусе внимания ненаучных практик, что тоже не придает ему научной привлекательности. Однако все эти онтологические и методологические сложности не могут помешать нам по крайней мере заявить об этой психической «реалии» как о проблеме, которая может стать предметом исследования, даже если эти методы исследования или языки описания не будут походить на те, с помощью которых традиционно исследуется и описывается личность» [Орлов, Орлова, 2011, с. 37].

В связи с этим мы считаем целесообразным начинать поиск методологии с *определения и выделения того особого языка*, который мог бы нести в себе искомые эмпирические данные. Основываясь на этой задаче, мы считаем перспективным предложить к применению в исследовании трехуровневую модель субъектности Д.Э.Волковой, А.Б.Орлова, Н.А.Орловой, в которой рассматривается становление субъектных смысловых структур человека [Волкова и др., 2010]. Данный подход предполагает различение трех форм языкового опосредования деятельности субъекта: *знаковой, метафорической и символической*, которые отражают внутреннюю структуру субъектности, состоящую из трех уровней. Различение знака, метафоры и символа является для авторов модели принципиальным методологическим моментом.

Первый «уровень» субъектности в видении авторов модели связан со *знаковым* языком. На этом уровне представлены предметные смыслы, это уровень «самоопределения человека как некоего обладающего теми или иными качествами *социального индивида*»: человек «вписывается» в общественную структуру, определяет свой социальный статус и закрепляет за собой определенные паттерны поведения–мышления–чувствования [Волкова и др., 2010, с. 91].

Второй уровень субъектности опосредован *метафорическим* языком и представляет личностные смыслы и переживания человека, «позволяющие ему ощущать себя как уникальную индивидуальность, не сводимую к набору признаков, <...> постоянно развивающуюся, многоликую, многоплановую и способную к изменениям» [Там же.]. Метафора понимается предельно широко. Наиболее интересной авторам модели представляется *неполная метафора*, характеризующаяся авторским присвоением атрибута знаку [1], что важно для понимания степени личностного вложения при появлении метафоры [Там же. С. 97–98]. Данный уровень представляется потенциально более располагающим к диалогу (полилогу), нежели предыдущий. На этом уровне существуют экзистенциальные вызовы, решаются экзистенциальные задачи.

Находясь на третьем уровне субъектности, опосредованном *символом*, человек испытывает потребность в трансценденции социальных, научных, психологических рамок самоопределения, в самоопределении в контекстах религиозных, философских или мистических традиций. Символическое опосредование позволяет человеку «достигать живой связи с иными «реальностями», будь то божественная / нуминозная или бессознательная / архетипическая человеческая реальность» [Там же. С. 91]. Особенностью символа как формы знакового выражения при этом выступает *свойство символа соединять разнокачественные стороны отношения в единое целое*.

Такое понимание символа и его потенциала близко к «трансцендентальной функции» К.Г.Юнга, описанной им как основанный на конструктивном отношении к бессознательному процесс интеграции последнего с сознанием – «вопрос смысла и цели» [Юнг, 1997, с. 21], гетевское «Что значит для меня сей знак?» [Там же. С. 38]. Юнг видит в бессознательной стороне символического опосредования «потенциальные возможности пациента» [Там же. С. 20], что коррелирует с понятием *сущности* в концепции А.Б.Орлова в широком контексте «собственно человеческого в человеке» [Орлов, Орлова, 2011, с. 39].

Авторы модели рассматривают человека как субъекта деятельности, производящего в ней два класса объектов: вещи и знаки, – что соотносится с традицией отечественной психологии. Так, по мнению А.А.Леонтьева, в онто- и функциогенезе параллельно с первоначальным обобщением предметной реальности как предмета действия ребенка в конкретной ситуации путем переноса в совместной деятельности с взрослым в этой же деятельности «возникает другая форма, другой способ обобщения – кристаллизация информации о предметном мире в образе, который выступает как свернутый процесс»; условием этого является «объективное существование и представленность индивиду языка, системы знаков или, вернее, системы значений, закрепленных в слове и в образе» [Леонтьев, 2001, с. 308]. С.Л.Рубинштейн рассматривал речь как единство «определенной деятельности – общения – и определенного содержания, которое обозначает и, обозначая, отражает бытие» [Рубинштейн, 1999, с. 382]. М.М.Бахтин отмечал подобное «двуединство» как свойство деятельности как таковой, особо подчеркивая связь ее межиндивидуальной составляющей с индивидуальным бытием, направленность одновременно «в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни» [Бахтин, 1986, с. 83].

Приводя эти цитаты классиков отечественной науки, мы бы хотели сдвинуть акцент с «видимой» стороны речи как деятельности на ее *диахронический* аспект – связь речи с индивидуальным бытием. В этом контексте принципиально новой и важной для нашего исследования в предлагаемой А.Б.Орловым, Н.А.Орловой, Д.Э.Волковой модели нам видится *связь определенных форм языкового выражения с определенными сферами отношений, в которые вступает человек*.

Так, на первом уровне субъектности «знаковым» языком будет опосредовано встраивание индивида в социум с принятием определенной социальной роли («студент», «домохозяйка», «блондинка», «невротик» и т.д.) [Волкова и др., 2010, с. 91], то есть вступление человека в отношения с социумом в целом. Становление уникальной индивидуальности, реализация человека как личности, вступление в отношения с другими людьми в контексте лично значимых и экзистенциальных смыслов как момент взаимного личностного развития будут опосредованы метафорическим языком (на втором уровне). Самотрансценденция, «снятие» (там же) своей индивидуальности, вступление в отношения с собственной сущностью / трансперсональной реальностью / потенциальным в себе (см. выше) – символическим языком (третий уровень субъектности). На всех этих уровнях человек может вступать в отношения как субъект. Если рассматривать языковое опосредование субъектом динамики этих отношений как речевую деятельность, «двуединство» речи будет отражать соответствие ее результата – знака, метафоры или символа, – *в единстве его формы и содержания*, результатам деятельности субъекта в соответствующих сферах отношений.

Исходя из рассмотренных выше положений, мы видим перспективным соотнести процессы персонализации (В.А.Петровский) и персонификации (А.Б.Орлов) *по их содержанию* с содержаниями различных уровней субъектности. Также мы видим перспективным рассматривать персонализацию и персонификацию их как *именно те процессы*, которыми будет сопровождаться *достижение субъектом результатов* как знаковой, так и предметной *деятельности на соответствующем уровне*. Так, по содержанию, вкладываемому в это понятие А.Б.Орловым, *персонификацию* можно

рассматривать как процесс, сопровождающий достижение указанного результата на третьем уровне субъектности. В то же время содержание результата, достигаемого на втором уровне субъектности, близко по содержанию успешно протекающему процессу *персонализации* в ее метаиндивидуальном аспекте.

Что касается первого уровня субъектности, мы полагаем, что процесс, позволяющий достигать соответствующего уровню результата, мог бы быть адекватно описан как процесс *социализации*, то есть «процесс и результат усвоения и активного воспроизводства индивидом социального опыта, осуществляемый в общении и деятельности» [Психология. Словарь..., 1990, с. 373]. Здесь стоит напомнить, что одной из предпосылок создания концепции *персонализации* послужила необходимость описать круг феноменов, «направленных» в противоположную процессу социализации сторону. В то же время А.Б.Орлов, с отсылкой к Г.И.Гурджиеву, описывает процесс формирования «взрослой» личности, функционирующей в логике «позитивных» и «негативных» ценностей, в том числе и как процесс *социализации* [Орлов, 2002, с. 55]. Развитие же личности по пути *персонификации* в концепции А.Б.Орлова является *альтернативой процессу социализации*. При рассмотренном нами выше принципиальном различии концепций А.Б.Орлова и В.А.Петровского сама идея *альтернативного социализации курса развития личности* выглядит в наших глазах принципиальной. Поэтому в русле используемой методологии мы считаем целесообразным рассматривать социализацию как *процесс актуалгенеза субъекта, соответствующий* первому уровню субъектности.

Подобный подход, по нашему мнению, позволит отойти от терминологических оппозиций и приступить к эмпирическому изучению проблематики *быть личностью и быть собой* через их отражение в языке (например, на материале рефлексивных текстов, самоотчетов, клиентского дискурса в психологическом консультировании и т.д.). В том случае, если в эмпирическом исследовании линии «*быть личностью*», «*быть собой*» и «*быть в социуме*», с учетом связей каждой из них с определенной (и отличной) формой языкового выражения, проявятся как отдельные, следующим этапом может стать выработка и операционализация понятий, описывающих развитие личности по этим направлениям.

Заключение

В настоящий момент мы планируем проведение *эмпирического исследования проявлений процессов актуалгенеза субъекта в языке*. Целью исследования мы видим эмпирическую проверку выдвигаемых нами положений относительно *соотносимости* семантической отраженности в языке гипотетических потребностей индивида *быть личностью и быть собой с определенными формами языкового выражения*, а именно с *метафорической и символической* соответственно. В качестве задач исследования мы видим обнаружение проявлений рассматриваемых нами процессов актуалгенеза субъекта в речевой деятельности и соотнесение их с конкретными формами знакового выражения. Планирование исследования находится на этапе разработки методического инструментария.

Хотелось бы отметить, что нас не менее интересует проблематика системно-методологического описания субъектности и построение стройной и прозрачной модели субъектности как системы. В связи с этим в нашей разработке находится также эскиз модели субъектности как *трехуровневой функциональной системы* на основе приведенной нами модели субъектности Д.Э.Волковой, А.Б.Орлова, Н.А.Орловой [Волкова и др., 2010], представлений К.Г.Юнга о трансцендентальной функции символа [Юнг, 2007], а также основных принципов теории функциональных систем П.К.Анохина [Александров, Дружинин, 1998; Анохин, 1975], в том числе принципе *изоморфизма* [Анохин, 1975].

Литература

Александров Ю.И., Дружинин В.Н. Теория функциональных систем в психологии. Психологический журнал, 1998, 19(6), 4–19.

Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.

- Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986.
- Волкова Д.Э., Орлов А.Б., Орлова Н.А. Знак, метафора, символ – методология субъектности. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2010, 7(3), 89–119.
- Зеленский В. Толковый словарь по аналитической психологии. М.: Когито-центр, 2008.
- Ильенков Э. Что же такое личность. В кн.: С чего начинается личность? М.: Политиздат, 1979. С. 183–237.
- Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001.
- Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1977.
- Орлов А.Б. Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека. Вопросы психологии, 1995а, No. 2, 5–19.
- Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики. М.: Логос, 1995b.
- Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики. М.: Академия, 2002.
- Орлов А.Б., Орлова Н.А. Индивидуальность vs. индивидность: роковой вопрос современности. Мир психологии. Научно-методический журнал, 2011, No. 1, 32–44.
- Петровский А.В., Петровский В.А. Индивид и его потребность «быть личностью». Вопросы философии, 1982, No. 3, 44–53.
- Петровский В.А. К пониманию личности в психологии. Вопросы психологии, 1981, No. 2, 40–46.
- Петровский В.А. Артур Владимирович Петровский: Научные разработки и открытия последних лет, 10.01.2007. http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=267
- Петровский В.А. Существует ли Я – субъект познания, воли, переживаний? Методология и история психологии, 2010а, 5(1), 136–148.
- Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010b.
- Психология. Словарь. М.: Политиздат, 1990.
- Розин В.М. Психологическая реальность как проблема цехового самоопределения. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2010, 7(1), 90–103.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
- Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
- Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994.
- Юнг К.Г. Трансцендентальная функция. В кн.: Синхронистичность. М.: Рефл-бук, 1997. С. 11–41.

Примечания

[1] В отличие от буквальной (типичной), постоянной (устойчивой в культуре) и бессмысленной (случайной) в теории метафоры Д.Бикертонна.

Поступила в редакцию 17 февраля 2015 г. Дата публикации: 14 июня 2015 г.

Сведения об авторе

Этко Евгений Александрович. Аспирант, департамент психологии, факультет социальных наук, Высшая школа экономики (Национальный исследовательский университет), Волгоградский проспект, д. 46Б, 109316 Москва, Россия.
E-mail: etkoeugene@rambler.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Этко Е.А. Идеи персонализации и персонификации в отечественной психологии: современное состояние и перспективы исследования. Психологические исследования, 2015, 8(41), 8.
<http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Этко Е.А. Идеи персонализации и персонификации в отечественной психологии: современное состояние и перспективы исследования // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 41. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n41/1140-etko41.html>

[К началу страницы >>](#)